

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801. 82-6

Е.В. Белоусова

НРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ Н.Н. ТОЛСТОГО НА МЛАДШЕГО БРАТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА И ПЕРЕПИСКИ Л.Н. ТОЛСТОГО)

Освещается проблема нравственного и творческого влияния на Л.Н. Толстого его старшего брата Н.Н. Толстого. Рассмотрено взаимоотношение братьев в начале 1850-х гг., когда перед Л.Н. Толстым встал вопрос выбора жизненного пути. Показаны причины разного мировосприятия братьев: старший брат – участник Кавказской войны с 1846 г., младший, Лев – светский человек, не знающий жизни, увлекавшийся призрачными идеалами. Автор обращает внимание на большое значение Кавказа в судьбах братьев Толстых, где началась их литературная деятельность.

Ключевые слова: «лучший друг»; «зелёная палочка»; взаимоотношения; противоположность мировосприятия; руководство; Кавказ; набег; творчество.

«Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, – это был лучший мой друг» [1. Т. 60. С. 356], – так писал Л.Н. Толстой о своём старшем брате Н.Н. Толстом, всестороннее влияние которого он ощущал с раннего детства до конца своих дней. Н.Н. Толстой скончался в 1860 г. в возрасте тридцати семи лет, когда Л.Н. Толстому было тридцать два года. Впереди была большая жизнь, мировая известность, множество единомышленников и почитателей, встречи и переписка со знаменитостями; многих из них писатель именoval своими друзьями. Однако эти взаимоотношения были основаны преимущественно на единстве этических, религиозно-философских, политических взглядов и не затрагивали глубинных основ взаимного притяжения.

Чем дальше в прошлое уходили воспоминания о брате, тем явственнее в представлении Л.Н. Толстого обозначался духовный облик Николеньки. В сокровенном уголке Ясной Поляны по-прежнему лежал в земле ответ на вечные вопросы бытия: «Главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня» [1. Т. 34. С. 386]. Это желание писателя, юридически закреплённое завещанием, является неопровержимым свидетельством того, насколько важно для него было всё, связанное с братом, и эта память со смертью Л.Н. Толстого простиралась уже в сферы иного бытия.

Все авторитетные исследователи творчества Л.Н. Толстого (Н.Н. Гусев, П.И. Бирюков, Л.Д. Опульская-Громова, Н.И. Бурнашева) обращали внимание на то, что личность старшего брата и всё, связанное с ним, были священны для писателя. Тем не менее жизнь, литературная деятельность Н.Н. Толстого, проблемы его нравственного и творческого влияния на Л.Н. Толстого до сих пор не стали темой отдельного исследования учёных. Одна из причин этого –

внешняя незаметность факта его воздействия на характер, мировоззрение, выбор жизненного пути Л.Н. Толстого, несмотря на то что источниковедческая база, дающая основание для такого утверждения, достаточно обширна – это 14 томов дневников и 27 томов писем Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах [1]. Записи о брате чаще всего встречаются с конца 1840-х до 1860 г. – это период взросления Л.Н. Толстого, становления характера, выработки жизненных принципов, выявления своих недостатков, и в это время советы брата-наставника были особенно необходимы. Как правило, лаконичные дневниковые заметки Л.Н. Толстого о словах, поступках Николеньки¹ имплицитно несут большой и важный для него смысл, и более конкретные размышления об этом он излагает на страницах писем родным. Сложность исследования проблемы взаимоотношений братьев состоит в том, что упоминания о брате приходится буквально по крупицам отделять от огромного эпистолярно-дневникового наследия Л.Н. Толстого.

Относительно целостное представление об облике Н.Н. Толстого дают его письма младшему брату² [4], а также его произведения, оставшиеся незаконченными. Только одно из них – очерки «Охота на Кавказе», создававшиеся в 1840–1850-е гг. и не предназначавшиеся для печати, – было опубликовано по инициативе Л.Н. Толстого в февральской книжке журнала «Современник» за 1857 г. Очерки были встречены восторженными откликами И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, Д.В. Григорovichа, А.В. Дружинина. «Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые были у него, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства» [1. Т. 34. С. 386], – так писал в 1904 г. Л.Н. Толстой в «Воспоминаниях».

Отдельное издание «Охоты на Кавказе» было подготовлено М.О. Гершензоном в 1922 г. Оставшиеся в рукописи повесть «Пластун», представляющая собой записки со слов абрека, встреченного автором в горах, и охотничьи заметки «Заяц» и «Весенние поля» были опубликованы в 1927–1928 гг. Последний раз все названные произведения увидели свет в 1987 г. [12]. Небольшое по объёму творчество Н.Н. Толстого служило первоисточником для Л.Н. Толстого при создании повести «Казачьи», романа-эпопеи «Война и мир», рассказов для «Азбуки», повести «Хаджи-Мурат».

Изложенные положения о роли Н.Н. Толстого в жизни младшего брата, о влиянии его творчества на литературную деятельность Л.Н. Толстого имеют веские основания стать предметом научного исследования. Помимо этого, в наш век переоценки, а точнее – недооценки моральных абсолютов и подмены их культом индивидуализма, актуальна ещё одна проблема, открывающаяся благодаря исследованию взаимоотношений братьев – прочность родственных связей, которыми дорожили в семье Толстых.

Нравственное влияние Н.Н. Толстого его младший брат ощущал всю жизнь; масштаб творческого воздействия – полвека: от повести «Детство» до последнего шедевра, «лебединой песни» – повести «Хаджи-Мурат».

Период взросления Л.Н. Толстого и поисков применения своей жизненной энергии пришёлся на 1850-е гг. В то время Н.Н. Толстой был на Кавказе, а Л.Н. Толстой проводил время то в Ясной Поляне, то в Москве, присматриваясь к высшему свету и пытаясь найти для себя выгодное место и связи. «22 декабря 1850 года Николай Николаевич Толстой, три года не выдававшийся с братьями, приехал с Кавказа в долгосрочный отпуск. Он остановился у сестры в Покровском и немедленно написал Льву Николаевичу в Москву, прося его поскорее приехать повидаться» [2. С. 277], – писал Н.Н. Гусев.

1 января 1851 г. произошла встреча братьев. Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Был в Покровском, виделся с Николенькой, он не переменялся, я же очень много, я мог иметь на него влияние, ежели бы он не был столько странен; он или ничего не замечает и не любит меня, или старается делать, как будто он не замечает и не любит» [1. Т. 46. С. 44]. «Человек, испытывающий себя» [Там же. Т. 59. С. 94], как называла Льва Т.А. Ёргольская, испытывал и окружающих. С последней встречи с братом в 1847 г. прошло три года; всё это время Н.Н. Толстой был в эпицентре Кавказской войны, где набеги, штурмы, атаки и осады сменяли одна другую, и везде по пятам за ним шла смерть. Перед лицом постоянной смертельной опасности неминуемо изменяется духовный мир человека, он сильнее ощущает близость Бога, напоминающего душе о Вечности. Н.Н. Толстой не вёл дневника, не испытывал себя над его страницами, и лишь он один знал, какие изменения претерпела его душа в тех условиях, в которые он себя поставил. Несомненно, он много размышлял об этом, как это делали во все века люди, жившие вневременными, Богооткровенными истинами.

Христианская аскетика устами святых Отцов и Учителей Церкви говорит о великой пользе памятования о смерти. Современник братьев Толстых и духовный наставник их тётушки и опекуны А.И. Остен-Сакен, Оптинский старец Макарий (Иванов) писал своим духовным чадам: «Иногда умственное моё око, развлечённое суетою, оставляет созерцание моей печальной участи, но едва встретится какое-либо внезапное скорбное приключение, опять быстро притекает к моему любимому поучению, как младенец к сосцам матерним, – к поучению о смерти, ибо в истинной печали сокрыто истинное утешение, и благоразумное памятование смерти расторгает смертные узы!» [3. Т. 2. С. 13]. С мировоззрением, более склонным к созерцанию и памятованию не о временных, а о вечных ценностях, приехал Николай с Кавказа. Брат не заметил этого при встрече.

Какие перемены произошли за это время в жизни Л.Н. Толстого? Усадебный уединённый образ жизни всё чаще стал нарушаться поездками в Тулу, сопровождавшимися кутежами с цыганами и карточной игрой. 4 декабря 1850 г. он уехал в Москву с такими планами: «(1) Попасть в круг игроков и, при деньгах, играть; 2) Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться; 3) Найти место выгодное для службы» [1. Т. 46. С. 45]. В составленных им «Правилах для общества» важное место занимает стремление научиться «быть сколь можно холоднее и никакого впечатления не выказывать» [Там же. С. 40]. По словам биографа Н.Н. Гусева, «общение со светским обществом не привело самого Толстого к распущенной жизни» [2. С. 273]. Л.Н. Толстой считал иначе и на закате жизни в «Воспоминаниях» так писал об этом периоде: «Когда я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна была бы произвести такая биография» [1. Т. 34. С. 345].

При встрече братьев в первый день Нового, 1851 г. Л.Н. Толстого обидело невнимание брата к перемене, которая, по ощущению Льва, в нём произошла вследствие вращения в московском свете. В лице двух братьев – опытного боевого кавказца и молодого барина, учившегося светской жизни и возлагавшего большие надежды на её выгоды, столкнулись два противоположных мировосприятия. Мудрость и такт Николая, выразившиеся в позиции «не замечать» перемен не в лучшую сторону в брате, вызвали обиду. Этой причиной объясняется холодный тон дневниковой записи Л.Н. Толстого 1 января об их встрече, после которой он уехал в Ясную Поляну, а оттуда через два дня – в Москву.

17 января 1851 г. из Москвы Л.Н. Толстой писал Т.А. Ёргольской: «Письмецо ваше <...> такое неприятное, полученное мною в Туле, меня глубоко опечалило, сказал бы даже, сделало мне больно <...>. – Почему вы думаете, что здравый смысл и деликатность не подскажут мне показать своему брату, что я счастлив его видеть и расstaюсь с ним с сожалением. Уверяю вас, что, не взирая на внешнюю холодность и равнодушие в наших отношениях, он убеждён более,

чем когда-либо, что я люблю его по-прежнему, что я всегда любил его, т.е. настолько, насколько я могу любить, и что сам он лучше ко мне расположен с тех пор, как мы встретились» [1. Т. 59. С. 85]. Насколько можно судить по началу письма, тётушка была глубоко опечалена возникшим между братьями непониманием и писала об этом племяннику. Она взывала к его «здравому смыслу и деликатности», но он не желал отказываться от усвоенного им тона «внешней холодности и равнодушия». Неожиданная конфликтная ситуация, возникшая при встрече братьев, открывает ещё один – внутренний, психологический конфликт, явившийся следствием рассеянной светской жизни Л.Н. Толстого: он теряет способность открыто проявить свою любовь к брату.

На письмо племянника Т.А. Ёргольская отвечала: «По поводу Николеньки ты говоришь, что после последней встречи он кажется лучше к тебе расположенным, чем во время вашей разлуки. Я знаю его доброе сердце, знаю его дружескую о тебе заботливость, поэтому-то я и желала бы, чтобы ты с доверием и с полной откровенностью говорил с ним обо всём, что тебя касается, чтобы ты советовался с ним относительно твоих дел и службы, ведь приобрёл же он опыт от шести лет службы. Чем больше я его вижу, чем больше я прислушиваюсь к нему, тем больше нахожу в нём достоинств. Пусть он руководит твоим поведением и поступками. Ты его мало видел, но ты мог воспользоваться его присутствием, а вместо этого ты, по его словам, избегал его, отклонялся от серьёзного разговора. Казалось бы естественным, что приятно общение с братом, с которым ты не видишься четыре года, а вместо этого, в Туле ты предпочёл проиграть всю ночь в карты. Ах, Лёвочка, неужели ты не бросишь эту проклятую страсть, которая может привести тебя к беде. – Всё это происходит от праздности и безделья» [1. Т. 59. С. 87]. Слова Т.А. Ёргольской о добром сердце и заботливости её старшего племянника можно назвать психологическим портретом Николая. С колыбели она наблюдала развитие его душевных качеств, ей первой М.Н. Толстая поверяла радости и печали о первенце, и материнское сердце чувствовало, что её Николенька будет очень сердечным и в проявлении его душевной заботы будет более всех из братьев нуждаться младший, Лев. Предвидение матери о приумножении лучших сторон его души сбылось, и тётушка понимала, что их «Лёвочке» нужен только такой руководитель: любящий, мудрый, опытный и заботливый.

Преобладающая тема дневниковых размышлений Л.Н. Толстого того периода – выработка всевозможных правил действий, постоянная нехватка денег, карточная игра, балы у Закревских, Волконских, Столыпиных, Горчаковых и Колошиных, обеды «у Князя Андрея Ивановича» [1. Т. 46. С. 47], ожидания приглашений, стремление подражать влиятельным персонам – и нескрываемое недовольство собой. Сохранилось очень мало писем Л.Н. Толстого «московского» периода, продолжавшегося с января до середины апреля 1851 г.: известны четыре его письма Т.А. Ёргольской, один её ответ от 27 января, упоминавшийся выше; три письма

Н.Н. Толстого брату и одно – Л.Н. Толстому от сестры. Об этих письмах речь пойдёт ниже.

Письмо Н.Н. Толстого с редакторской датой «до 21 января 1851 г.», написанное из Тулы, наполнено беспокойством о младшем брате Сергее, влюбившемся в цыганку. «Для Сергея было бы очень хорошо, если бы он поехал в Москву, к чему я его склоняю, но он и слышать об этом не хочет» [4. С. 70], – писал Н.Н. Толстой Льву. Они чрезвычайно тревожились о брате, что можно понять из следующих слов Николая в том же письме: «Я рассказываю тебе только о Сергее, потому что в течение двух дней, которые я недавно провёл с ним, он очень заинтересовал меня, я сделал наблюдения над его характером и заметил, что ты прав. Серёжа находится в серьёзной опасности совершенно опуститься» [Там же].

7 февраля 1851 г. Н.Н. Толстой писал брату: «Когда ты приедешь в Воротынку, надо будет устроить так, чтобы выделить семью моей кормилицы. Я хочу, чтобы эта женщина принадлежала мне, я, конечно, заплачу тебе сколько следует» [4. С. 72]. Мария Николаевна, мать Толстых в письмах Т.А. Ёргольской в 1824 г. упоминала кормилицу своего первенца Николеньки и её «добронравие». Очевидно, в письме Н.Н. Толстого речь шла об этой кормилице и её семье. Они нужны были Н.Н. Толстому не в качестве рабочей силы: главным было то, что эта женщина помнила их мать, весь уклад семейной жизни Толстых, была частью далёкого детства. Неизвестно, была ли исполнена просьба Николая; Малая Воротынка Богородицкого уезда Тульской губернии, где числилось 22 души крестьян, принадлежала по Раздельному акту Л.Н. Толстому и в 1851 г. была им продана.

В середине февраля 1851 г. Н.Н. Толстой уехал в Москву к брату. «Приезд Николеньки был для меня очень приятной неожиданностью, так как я почти потерял надежду, что он ко мне приедет. – Я так ему обрадовался, что даже несколько запустил свои обязанности, вернее изменил своей привычке – в многолюдстве не рассеиваться» [1. Т. 59. С. 92], – сообщал Л.Н. Толстой Т.А. Ёргольской. Был существенный повод для того, чтобы «рассеиваться» в дни приезда Николая: 20–26 февраля была Масленица³, которую братья, судя по письму их сестры М.Н. Толстой, адресованному Льву, проводили весело: «Николенька нам рассказал, как ты был одет майским жуком, это нас очень позабавило – я бы очень хотела увидеть тебя преображённым в насекомое, не нашёл ли ты какой-нибудь хорошенькой паучихи, за которой ты ухаживал?» [4. С. 72].

«Руководство поведением и поступками» со стороны старшего брата, чего так желала Т.А. Ёргольская, вскоре отразилось в дневниковой записи Л.Н. Толстого: «Много пропустил я времени. Сначала завлёкся удовольствиями светскими, потом опять стало на душе пусто; и от занятий отстал, т.е. от занятий, имеющих предметом свою собственную личность. – Мучало (так в тексте. – Е.Б.) меня долго то, что нет у меня ни одной задушевной мысли или чувства, которое бы обуславливало всё направление жизни – всё так, как придётся; теперь же кажется мне, нашёл я

задушевную идею и постоянную цель, это – развитие воли, цель, к которой я давно уж стремлюсь; но которую я только теперь сознал не просто как идею, но как идею, сроднившуюся с моей душой» [1. Т. 46. С. 45–46], – так писал он 28 февраля 1851 г. под несомненным влиянием находившегося рядом брата. Оставшись снова в одиночестве после его отъезда, в первых числах марта 1851 г. Л.Н. Толстой писал тётушке о своих планах, несомненно, родившихся в результате советов Николая: «К концу мая приеду в Ясное, проведу там месяц или два, стараясь как можно дольше задержать там Николеньку, а потом с ним вместе съезжу на Кавказ (всё в том случае, ежели мне здесь ничего не удастся)» [Там же. Т. 59. С. 92].

С 1 марта 1851 г. дневник ведётся почти ежедневно, в отличие от предыдущих месяцев. Л.Н. Толстого занимают теперь более серьёзные проблемы: чтение и конспектирование прочитанного, занятия музыкой и гимнастикой, выработка терпения, борьба с курением. Он подвергает глубокому анализу свои поступки: «Немного стал я ослабевать, от того, главное, что мне начинало казаться, что сколько я над собой не работаю, ничего из меня не выйдет. – Эта же мысль пришла мне потому, что я исключительно занимался напряжением воли, не заботясь о форме, в которой она проявлялась. – Постараюсь исправить эту ошибку» [Там же. Т. 46. С. 46]. Под влиянием старшего брата Л.Н. Толстой, наконец, увидел невозможность реализации своих планов, с которыми он приехал в Москву. Оказалось, что «напряжение воли» устремлено к призрачным ориентирам, внутренняя работа не соответствует внешней форме. Изменяется характер «правил»: они нацелены теперь не на выработку светских привычек и поведения, а на анализ душевной и умственной деятельности. «Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель – отчёт каждого дня, с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться» [1. Т. 46. С. 47], – в подобных записях, родившихся в результате общения и задушевных бесед с братом, видится зародыш всего будущего дневника писателя – самого большого его произведения-исповеди, писавшейся шестьдесят лет.

Нравственная работа над собой, усилившаяся после общения с Н.Н. Толстым, вскоре принесла свои первые плоды – очень скоро Лев увидел, что ни один из пунктов его плана не реализован: «Приехал я в Москву с тремя целями. 1) Играть. – 2) Жениться. 3) Получить место. – Первое скверно и низко <...>. Второе, благодаря умным советам брата Ник[олиньки], оставил до тех пор, пока принудит к тому любовь, или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всём противодействовать⁴. Последнее невозможно до 2 лет службы в Губернии» [Там же. С. 53], – писал Л.Н. Толстой 20 марта 1851 г. Он увидел причины своих неудач: «Много слабостей имел я в это время. Главное, мало обращал внимания на правила нравственные, увлекаясь правилами, нужными для успеха. Потом, имел слишком тесный взгляд на вещи; например, давал себе много правил, которые все можно было привести к одному – не иметь тщеславия. Забывая, что условием, необходимым для успеха, есть

уверенность в себе, презрение к мелочам, которое не может иначе произойти, как от моральной возвышенности» [1. Т. 46. С. 53]. Новые ориентиры не выдуманы, а увидены в брате и являются «лестницей» духовного совершенствования: начало – избавление от тщеславия; следующие ступени – развитие уверенности в себе, внимание на своём внутреннем мире, не нарушаемом суетой мира; и, наконец, – «моральная возвышенность», как называл Л.Н. Толстой вершинную ступень борьбы человека со своей греховной природой.

Изменение характера дневника весной 1851 г. отмечает и Н.Н. Гусев, однако первостепенной причиной этого биограф считает знакомство Л.Н. Толстого с романом Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских», из которого он узнал о «франклиновском журнале» [2. С. 665–666]. «В том душевном состоянии недовольства собой, в каком находился тогда Толстой, рассказ о “франклиновском дневнике” показался ему откровением. К тому же стояла весна, которая и в этом году, как и раньше, действовала на Толстого возбуждающим образом» [Там же. С. 278]. Согласно мнению Н.Н. Гусева, на Л.Н. Толстого повлияли случайно совпавшие внешние факторы – книги и весна. Однако, как отмечено выше, дневник отразил изменение отношения Л.Н. Толстого к себе гораздо раньше, в конце зимы.

В феврале 1851 г. братья сфотографировались в дагеротипной мастерской Мазера. В 46-м томе Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого этот снимок воспроизведён и датирован апрелем 1851 г. [1. Т. 46. С. 34–35], а в книге Н.Н. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» датировка иная: «1 мая 1851 г.» [2. С. 288–289]. Обе датировки неверны, так как уже в начале марта Н.Н. Толстой был в Покровском у сестры, о чём она 3 марта 1851 г. писала Л.Н. Толстому в Москву: «Ты не можешь себе представить удовольствие, которое ты мне доставил, заказав свой портрет, дорогой Лёвочка, вы поразительно похожи оба» [4. С. 72]. Далее она пишет, что 2 марта ей исполнился двадцать один год, и что брат Николай приехал в Покровское. В комментарии к письму, опубликованному в книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» [4], сказано, что портрет был сделан в феврале 1851 г. Эта датировка совершенно соответствует периоду пребывания Н.Н. Толстого с братом в Москве. Скорее всего, дагеротипный снимок был сделан в качестве подарка сестре.

На снимке «Лев Николаевич изображён сидящим с палкой в руках; взгляд упорный, проницательный, несколько беспокойный; волосы причёсаны неровно, борода и усы выстрижены; костюм не отличается элегантностью; у его брата, одетого в военную форму, спокойный, сосредоточенный, ясный взгляд» [2. С. 291], – таким словесным портретом двадцатидвухлетнего Л.Н. Толстого дополняет снимок Н.Н. Гусев. Ничего не сказано о сидящем рядом Н.Н. Толстом. Он выглядит очень худым, мал по сравнению с младшим братом; над узкими плечами – красивый поворот головы с высоким лбом мудреца и умными проницательными глазами. Чувствуется, что это – сложившаяся личность с

правильными принципами, отсутствием тщеславия. Военная форма ему очень к лицу. Внешняя некрасивость преобразуется его открытым взглядом. По этому лицу можно представить отчасти внешность их матери: недаром Л.Н. Толстой писал, что Николенька внешне более всех был похож на неё.

«Надо полагать, что брат Николай взял на себя некоторое руководство “пустяшным малым”, тщетно стараясь стать “практическим” и “порядочным” человеком. Очевидно, он уговорил Толстого бросить эту светскую жизнь и поехать с ним на Кавказ, к месту его службы» [5. С. 161], – писал Б.М. Эйхенбаум о начале нового этапа жизни Л.Н. Толстого, решившего порвать со старыми привычками под воздействием брата.

Убедившись окончательно, что ему ничего не удастся достигнуть, Л.Н. Толстой принимает решение ехать на Кавказ. Этому способствовало и романтическое воспоминание о золотой шашке, которой был награждён доблестный кавказский офицер и друг юности Толстых Д.А. Милютин, встреча с которым в Москве в 1844 г. поразила братьев; и всеобщий интерес в обществе к краю, где жили воинственные народы, которых никак не могли покорить царские войска; и полоса неудач московского периода; и рассказы Николеньки о Кавказе, и, конечно, осознание того, что брат – это надёжная нравственная опора. Отъезжающий на Кавказ главный герой повести «Казаки» Дмитрий Оленин очень похож на Л.Н. Толстого: «Оленин был юноша, нигде не кончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в каком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырёх лет не избравший ещё себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший» [1. Т. 6. С. 7].

В первых числах мая братья отправились в путешествие на Кавказ. Дневник Л.Н. Толстого прервался на месяц, и в дороге из Саратова в Астрахань он кратко записал все события прошедшего месяца. В начале записи – снова размышления о переломе, совершившемся с ним недавно: «Последнее время, проведённое мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней» [Там же. Т. 46. С. 60].

Путь братьев пролегал через Казань. В их письме к Т.А. Ёргольской из города, где прошли студенческие годы, Николай сообщал о том, что «Лёвочка уехал к г-же Загоскиной» [Там же. Т. 59. С. 95], начальнице Казанского Родионовского института, который в 1846 г. закончила их сестра. Братья побывали в Паново, имении В.И. Юшкова, мужа их тётушки П.И. Юшковой.

Следующее письмо М.Н. Толстой братья писали из Астрахани. Это было очень подробное, на пять страниц, описание их путешествия. Из утраченных четырёх страниц сохранились несколько строк Льва о своей влюблённости в казанскую барышню З.М. Молоствову и приписка Николая, полная юмора, но ничего не сообщающая о том, как он проводил время в Казани. Однако письмо М.Н. Толстой от 18 июля 1851 г. братьям содержит некоторые намёки на знакомства Н.Н. Толстого в казанском обществе. Она писала Льву: «Николенька сообщил мне, что молодые

дамы в Казани очень плодovitы – это меня несколько не удивляет <...>. Когда-нибудь, когда он женится на Полине Протасовой, он должен быть готов каждые 9 месяцев получать красного младенца, но ему нужно поторопиться, потому что тётушка Туанетта уже послала сваху узнать, какое у этих девиц приданое» [4. С. 75]. В том же письме сестра сообщала старшему брату о другой барышне: «Знаешь, Николенька, кто сейчас находится во Мценске? Юленька-жерменка, сестра Николая Сергеевича гр. Толстого. Я поеду нарочно во Мценск, чтобы с ней видаться» [Там же. С. 76]. Эти строки с упоминанием имён двух девушек – единственное, что нам известно о женском круге знакомых Н.Н. Толстого.

27 мая 1851 г. братья писали Т.А. Ёргольской. «Проездом в Москве я абонировался, поэтому книг у меня много, и читаю я даже в тарантасе. Затем, как вы отлично понимаете, общество Николеньки весьма способствует моему удовольствию», – писал Лев, а Николай прибавлял: «Уже достаточно долго тянется наше путешествие, хотя жаловаться не на что» [1. Т. 59. С. 100].

30 мая братья прибыли в казачью станицу Старогладковскую на левом берегу Терека – там были квартиры 20-й артиллерийской бригады, в которой служил Н.Н. Толстой. «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже» [Там же. Т. 46. С. 60], – таково было первое, пока неясное впечатление Л.Н. Толстого от изменения условий жизни.

22 июня 1851 г. Т.А. Ёргольская получила письмо от Л.Н. Толстого, интересное содержащимися в нём портретными набросками сослуживцев брата. Его внимание привлекают командир батареи Никита Петрович Алексеев, прапорщик Николай Иванович Бумеский, капитан Хилковский. В скором времени новые знакомые станут прототипами персонажей первого кавказского рассказа Л.Н. Толстого «Набег». «Офицеры все <...> совершенно необразованные, но славные люди и, главное, любящие Николеньку» [1. Т. 59. С. 105], – такое первоначальное впечатление складывается у Л.Н. Толстого. Следуя примеру брата, он определил верную позицию отношения к офицерам их батареи: «Я нашёл подходящую середину, в которой нет ни гордости, ни фамильярности; впрочем, в этом мне только приходилось следовать примеру Николеньки» [Там же].

Вскоре после приезда братьев в Старогладковскую Н.Н. Толстой должен был уехать в укрепление Старый Юрт «для прикрытия больных в Горячеводском лагере. Недавно открылись горячие и минеральные источники различных качеств <...>. Говорят даже, что эти воды лучше Пятигорских. Николенька уехал через неделю после своего приезда, я поехал вслед за ним» [Там же], – сообщал Л.Н. Толстой тётушке.

Летописец 20-й артиллерийской бригады историк М.А. Янжул писал, что в 1851 г. на Левом фланге Кавказской линии были сформированы колонны «для охранения больных, пользовавшихся старо-юртовскими минеральными водами, и для сопровождения транспортов – роты, одна сотня и взвод орудий батареей № 4 батареи, которым командовал поручик гр. Толстой» [6. С. 83–84].

22 июня 1851 г. Л.Н. Толстой писал своему казанскому знакомому А.С. Оголину: «Я живу теперь в Чечне около Горячеводского укрепления в лагере, — вчера была тревога и маленькая перестрелка, ждут на днях похода. Нашёл таки я ощущения» [1. Т. 59. С. 109]. «Жажда испытать ощущение большой опасности прежде всего руководила Толстым, когда он отправлялся в набег. Разумеется, говорило в нём и другое желание — собственными глазами увидеть войну и всё, что с нею связано» [2. С. 304], — так понимал Н.Н. Гусев слова письма об «ощущениях». Однако поход только предстоял в будущем, а форма прошедшего времени предложения подразумевает что-то уже совершившееся.

Это произошло в ночь с 11 на 12 июня в лагере Старого Юрта. Запись Л.Н. Толстого в дневнике о необычных и неожиданных ощущениях начинается очень буднично и просто: «Я сижу на барабане в балагане, который с каждой стороны примыкает к палатке, одна закрытая, в которой спит Кноринг (неприятный офицер), другая открытая, и совершенно мрачная, исключая одной полосы света, падающей на конец постели брата» [1. Т. 46. С. 61]. Другой свет — незримый — внезапно озаряет его душу. Свои чувства он подробно записал в дневнике утром следующего дня. С ним случилось то, что он испытал близость Бога и благодатное молитвенное состояние. «Мне хотелось слиться с Существом всеобъемлющим. Я просил Его простить преступления мои; но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели Оно дало мне эту блаженную минуту, то Оно простило меня. <...> Чувство страха совершенно исчезло. — Ни одного из чувств Веры, надежды и любви я не мог бы отделить от общего чувства. Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера — это любовь к Богу. — Любовь, высокую, соединяющую в себе всё хорошее, отрицающую всё дурное. <...> Ум теряется в этих безднах премудрости, а чувство боится оскорбить Его. — Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мне ничтожность и величие моё. Хочу молиться; но не умею; хочу постигнуть; но не смею — предаюсь в волю Твою!» [Там же. С. 62–63], — такая запись, приведённая с большими сокращениями, сделана на исходе второй недели пребывания его на Кавказе. По впечатлению, произведённому на душу Л.Н. Толстого, она не уступает описаниям молитвенных состояний духовно опытных подвижников.

Так скоро Л.Н. Толстой получил ответ на вопросы, с которых начинаются его кавказские записи дневника 30 мая 1851 г.: «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? То же» [1. Т. 46. С. 60]. Брат открыл ему край, где произошло духовное взросление и рождение будущего писателя.

Вскоре начался поход, в котором Л.Н. Толстой участвовал добровольцем, а Н.Н. Толстой стоял на передовой позиции при пушках. «Летом 1851 г. войска левого фланга были собраны снова под начальством ген.-м. князя Барятинского. В составе артиллерии отряда находились, между прочим, 4 орудия батареи № 4 батареи, которыми командовали капитан Хилковский, поручик гр. Толстой и подпоручик Сулимовский, ракетная команда подпоручика Ладыжен-

ского и вся лёгкая № 5 батарея под начальством капитана Янова с поручиком Парчевским и подпоручиком Рычковым» [6. Т. 2. С. 88], — писал М.А. Янжул.

Считается, что этот поход послужил материалом для рассказа «Набег», над которым Л.Н. Толстой работал в мае–декабре 1852 г. Это не совсем верно. Первых впечатлений добровольца-наблюдателя было ещё недостаточно для того, чтобы с такой философской глубиной показать всю противоестественность истребления человека человеком. Рассказ будет написан в конце 1852 г., после участия братьев в зимней экспедиции 1851–1852 гг., которую историки называют «погромом Чечни». Л.Н. Толстой принял участие в том походе ближе к его окончанию и находился в самых опасных точках рядом с братом, бывшим неотлучно в течение двух месяцев при артиллерийских орудиях под огнём горцев. В рассказе «Набег», как и в последующих «кавказских» произведениях писателя, отразится гораздо больший военный опыт Н.Н. Толстого⁵.

После участия в набеге Л.Н. Толстой решил поступать на военную службу. «Многие мне советуют поступить на службу здесь и, в особенности, князь Барятинский, которого протекция всемогуща» [1. Т. 59. С. 115], — писал он Т.А. Ёргольской 17 августа 1851 г. Для определения на службу необходимо было ехать в Тифлис. Н.Н. Толстой взял двухнедельный отпуск, чтобы сопровождать брата, и 25 октября 1851 г. они отправились в дорогу.

По приезду в Тифлис оказалось, что недостаёт документов об увольнении Л.Н. Толстого от гражданской службы. Было решено довести дело до конца, и для этого Л.Н. Толстой оставался в Тифлисе. «Так как срок отпуска Николеньки кончился, то он уехал три дня тому назад, — сообщал Л.Н. Толстой в письме от 12 ноября 1851 г. Т.А. Ёргольской. — <...> Я так свыкся быть постоянно с Николенькой, что разлука с ним, хотя и на короткий срок, мне тяжела. — К стыду своему сознаюсь, что только теперь я научился ценить, уважать и любить своего прекрасного брата так, как он этого заслуживает. И поминутно вспоминаются мне ваши добрые советы, дорогая тётенька. Как часто вы меня останавливали, когда я небрежно отзывался о Николеньке, и как вы были правы; говорю без притворной скромности, что Николенька во всех отношениях лучше нас всех» [Там же. С. 118]. Эти строки о брате — свидетельство того, что Л.Н. Толстой наконец серьёзно осознал огромную роль брата в своей жизни. В дальнейшем в его дневнике будут нередко появляться отрицательные высказывания о нём, о компании его друзей, которые, как казалось Л.Н. Толстому, недооценивали и портили «Николеньку». К этому будут примешиваться субъективные, временные моменты обиды и недовольства, чего невозможно избежать при постоянном общении с близким человеком. Кроме этого, психологический дискомфорт, происходивший от постоянного ощущения войны, не располагал к объективным оценкам. Как только братья оказались вдали от этого, напряжение ушло и Л.Н. Толстой понял, что для него значил брат. Строки письма о любви и уважении к нему свидетельствуют и о состоянии души

Л.Н. Толстого, которая снова раскрылась для выражения искренних чувств, чего она была лишена при их встрече в Москве зимой 1851 г.

Важность письма Л.Н. Толстого к тётушке этим не исчерпывается; он сообщает ей нечто весьма судьбоносное: «Помните, добрая тётенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю – литературные. – Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу» [1. Т. 59. С. 119]. Речь идёт о работе над второй редакцией повести «Детство». Самые первые упоминания в дневнике о творческой работе Л.Н. Толстого «сходятся на дате <...> – 2 июня 1851 года и на 3–4 июля, когда началось писание собственноручно романа» [8. С. 111], который автор пока называл «Записками».

Склонность к литературным занятиям была присуща и Н.Н. Толстому. Существенным основанием для этого утверждения служат его письма, представляющие собой живые и красочные зарисовки природы и нравов. В данной статье цитировались многие его письма. Приходится только сожалеть, что значительная часть эпистолярного наследия Н.Н. Толстого утрачена: в обстановке военной жизни не было условий для хранения переписки. По этой же причине он не вёл дневника, однако потребность в художественном изложении побудила его взять в руки перо, в результате чего родились очерки «Охота на Кавказе», по высокой поэтичности описаний природы, животного мира, характеров и портретов горцев не уступающие шедеврам отечественной классики. Письма младшему брату были пробой пера, способом поделиться увиденным и своеобразной творческой мастерской, в которой формировался стиль, выделялось главное из множества впечатлений. В этом отношении интересно письмо Л.Н. Толстому, написанное в конце ноября 1851 г., вскоре после возвращения Н.Н. Толстого из Тифлиса. Оно отличается ярким стилем и метким юмором. В конце октября братья вдвоём ехали по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, и при возвращении в Старогладковскую той же дорогой Н.Н. Толстой решил запечатлеть свой обратный путь. В результате получился прекрасный путевой очерк. В него вошли и впечатления от романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», который он читал в дороге и под небольшим влиянием которого находился при передаче впечатления от созерцания окрестных красот. Однако в большей степени эти живописные строки письма перекликаются с очерками А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»: Н.Н. Толстой упоминает те же самые живописные грузинские селения, через которые в 1829 г. проезжал поэт.

От Гарцискалы попутчиком Н.Н. Толстого оказался дьячок, «родом туляк» [4. С. 81]. Приехав в Душети, он узнал, что дальше дорога опасна: «На днях тут случилось несчастье, а именно, выражаясь словами зрителя: у *грузинского князя неизвестные хищники украли голову*»⁶ [Там же. С. 82]. Несмотря на это, Николай поехал дальше и ночевал в Анаури. Из Паса-

наури он ехал в компании церковнослужителя и двух грузин, «из которых один, Бичо Симон, всю дорогу распевал грузинские песни. <...> Дорога превосходная, по обеим сторонам горы, осетинские аулы, с которыми перекликался наш Бичо, над нами светлое звёздное небо <...>. Когда утренний мороз меня разбудил, мы были уже на горе, имя и прозвание которой я не знаю⁷. Солнце только что выходило из-за Казбека, со всех сторон из ущелий тянулись стада, где-то вправо на горе горел огонёк. “Это праздник”, – говорил Бичо и по этому случаю затянул предлинную песню. В ущелье Чёрной речки, по которой мы ехали ночью, клубился туман, вид был так хорош, что даже понравился моему дьячку: “Вот и правду говорят, ваше сиятельство, что чудны дела Твои, Господи”» [4. С. 82].

«Мой брат Николай умнее, гораздо умнее меня, и всё, что я имею, я получил от него» [9. С. 406], – эти слова Л.Н. Толстого, записанные в 1880-е гг. его современницей и другом семьи Е.И. Сытиной, дают полное право говорить не только о том, каким большим нравственным авторитетом для него с раннего детства был Н.Н. Толстой, но и о его воздействии на становление Л.Н. Толстого как писателя. Современники братьев Толстых знали о том, что литературное дарование Н.Н. Толстого оказало большое влияние на расцвет творческого гения младшего брата, но первые и последние небольшие попытки проанализировать это воздействие были сделаны лишь в 1920-е гг.

В 1922 г. М.О. Гершензон подготовил к переизданию очерк Н.Н. Толстого «Охота на Кавказе» и сопроводил его кратким предисловием. Называя очерк «прекрасным литературным произведением», М.О. Гершензон впервые в литературоведении размышлял «о личности человека, оказавшего несомненно сильное влияние на Л[ьва] Н[иколаевича]» [10. С. 5]. Его верное мнение о способности автора «Охоты на Кавказе» «всецело погружаться в созерцание», о том, что «рассказ Н.Н. Толстого точно ровным светом освещает мирный пейзаж» [Там же. С. 6], завершается выводом: «Можно догадываться о том, как импонировала эта спокойная уверенность старшего брата неуверенному тогда, тревожному Льву Николаевичу» [Там же. С. 7]. Точку зрения М.О. Гершензона разделял другой литературовед, А.Е. Грузинский, подготовивший к изданию и напечатавший в 1926–1927 гг. незаконченные произведения Н.Н. Толстого – повесть «Пластун» [11] и охотничьи рассказы «Весенние поля» и «Заяц» [12]. Он писал: «Н. Толстой мог учить брата вдумчивости, углубленности, спокойствию, мягкости; это было как бы заменой нехватавшего Л. Толстому влияния матери; оно, конечно, не ограничивалось одним нравственным миром, а должно было известным образом давать себя чувствовать и в литературной области» [4. С. 165].

Данная статья является попыткой показать более подробно, опираясь на дневниковые записи и переписку Л.Н. Толстого, как совершался процесс воспитания духа будущего великого писателя его братом, жизнь и творчество которого имеют полное право занять своё подобающее место в контексте русской дворянской культуры [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С раннего детства это ласковое имя, которым называла своего первенца мать, М.Н. Толстая (рожд. княжна Волконская), закрепилось за Н.Н. Толстым на всю жизнь. Родные и друзья иначе как Николенька не называли его.
- ² Сохранилось 46 писем Н.Н. Толстого, адресованных младшему брату. Первое написано в 1838 г., последнее – в апреле 1860 г., за пять месяцев до смерти.
- ³ Праздник Воскресения Христова в 1851 г. приходился на 8 апреля.
- ⁴ В «Войне и мире» князь Андрей Болконский говорит Пьеру: «Не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, которую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно» [1. Т. 9. С. 34]. – Подспудно в этих советах угадывается мысль Николеньки о роли судьбы, записанная в дневнике Л.Н. Толстого. Это созвучие совета брата и литературного сюжета – ещё один пример того, как много в творчестве Л.Н. Толстого не только автобиографического материала, но и мельчайших житейских фактов, которые сохраняла память писателя.
- ⁵ В течение службы на Кавказе с 1846 по 1858 г. Н.Н. Толстой принял участие в двенадцати военных экспедициях. Это отражено в «Формулярном списке о службе и достоинствах Батарейной № 4 батареи 20-й Артиллерийской бригады поручика Николая Графа Толстого» [7], который хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве; в книге М.А. Янжула [см.: 6] и на страницах некоторых номеров еженедельной газеты «Кавказ», выходившей на русском языке (Тифлис, 1848–1858).
- ⁶ Курсив в тексте книги.
- ⁷ Крестовый перевал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М., 1928–1958.
2. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954.
3. Душеполезные поучения преподобных Оптиных Старцев : в 2 т. Козельск : Введенская Оптиная Пустынь, 2000.
4. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009.
6. Янжул М.А. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886. Исторический очерк войны и владения русских на Кавказе. Тифлис, 1886–1887. Т. 1–2.
7. ОР ГМТ. Москва. Ф. 54. Инв. № 39589.
8. Бунашева Н.И. «...Пройти по трудной дороге открытия...» Загадки и находки в рукописях Льва Толстого. М., 2005.
9. Сытина (Чихачёва) Е.И. Воспоминания // Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38.
10. Гершензон М.О. Предисловие // Гр. Н.Н. Толстой. Охота на Кавказе. [М.], [1922].
11. Толстой Н.Н. Пластун // Красная новь. М., 1926. № 5, 7.
12. Толстой Н.Н. Весенние поля. Заяц // Охотничье сердце. Альманах. М., 1927.
13. Толстой Н.Н. Сочинения. Тула, 1987.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2016 г.

MORAL INFLUENCE OF N.N. TOLSTOY ON HIS YOUNGER BROTHER (BASED ON THE DIARY AND CORRESPONDENCE OF L.N. TOLSTOY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/409/1

Elena V. Belousova, Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana” (Tula, Russian Federation). E-mail: helenyaspol@yandex.ru

Keywords: “best friend”; “green stick”; relationship; opposite perception of world; leadership; Caucasus; raid; creativity.

The article under consideration is the first attempt to study the impact of Nikolay Tolstoy's personality on the morals and creative work of his younger brother Leo Tolstoy. Till the end of his life the outstanding writer highly appreciated such inner qualities of Nikolenka (the name he was addressed to by the members of his family and friends) as intellect and spirituality. He used to call him “a wonderful man”. After Nikolay's death at the age of 37, Leo Tolstoy could never find a man to be so close to him spiritually as his elder brother. The life and literary work of N.N. Tolstoy have never been the subject of a thorough scientific investigation in the history of literary studies. There is a sufficient source base comprising Leo Tolstoy's diaries and letters where the notes concerning his brother occupy much space. The epistolary heritage of N.N. Tolstoy includes 46 letters to L.N. Tolstoy and four literary works. Biographical and comparative studies of these sources contribute to the creation of the image of N.N. Tolstoy. The lessons of morality perceived from his elder brother in his youth supported the writer to the rest of his life. L. Tolstoy's diaries and letters contain numerous recollections and considerations about the life and personality of his elder brother. The scale of the creative impact of N. Tolstoy on his brother could be measured by the period of half a century length from the novella “Childhood” till the last literary masterpiece “Hadjı Murad”, where some pages from Nikolay's military career were reflected. The 1850s were not a simple period in the life of Leo Tolstoy. During that period of time he was longing to get into Moscow higher society, make acquaintances with influential people and get benefits of a successful marriage. Having come on holiday, his brother officer persuaded him to leave Moscow and all his worries and to go to the Caucasus together with him. An abrupt change in his mode of life had a positive influence on Leo Tolstoy. He discovered the ability to spiritual and philosophical contemplations in himself, he started to understand and love people despite their social position in the society and education. On this way his brother, who never expressed his criticism and scorn on people, served him as a vivid example. In the Caucasus he started writing his first literary work “Childhood”. It was his brother who recommended him to send the novella to the popular literary magazine *Sovremennik*. The publication of this piece was a great success and marked the beginning of his literary fame. The atmosphere of the Caucasus also stimulated Nikolay Tolstoy to try his literary pen. In 1851, on his way from Tiphlis to the settlement (stanitsa) Starogladovskaya he wrote his travel sketches in the letter. According to the style, content and places described his sketches have much in common with A. Pushkin's ones – “Travel to Arzum”. Every day life, customs and traditions of people inhabiting the Caucasus gave him material for writing two more pieces of literature: the sketches “Hunting in the Caucasus” and the novella “Plastun”. Till the end of his life Leo Tolstoy considered his moral and exemplary brother to be the greatest inspiration of his spiritual and creative talents.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
2. Gusev, N.N. (1954) *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god* [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1828 to 1855]. Moscow: USSR AS.
3. Vvedenskaya Optina Pustyn'. (2000) *Dushepoleznye poucheniya prepodobnykh Optinskiikh Startsev: v 2 t.* [Edifying teachings of Venerable Optina Elders: in 2 vols]. Kozel'sk: Vvedenskaya Optina Pustyn'.
4. Kalinina, N.A. et al. (1990) *Perepiska L.N. Tolstogo s sestroy i brat'yami* [Correspondence of L.N. Tolstoy with his sister and brothers]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy. Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts.
6. Yanzhul, M.A. (1886–1887) *Vosem'desyat let boevoy i mirnoy zhizni 20-y artilleriyskoy brigady. 1806–1886. Istoricheskiy ocherk voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [Eighty years of military and civilian life of the 20th Artillery Brigade. 1806–1886. Historical Sketch of the war and the Russian domination in the Caucasus]. Vols 1–2. Tiflis: tip. Okr. shtaba.
7. Manuscripts Department of the State Museum of L.N. Tolstoy (OR GMT). Moscow. Fund 54. Inv. 39589.
8. Burnasheva, N.I. (2005) "...Proyti po trudnoy doroge otkrytiya..." *Zagadki i nakhodki v rukopisyakh L'va Tolstogo* ["... Go along a difficult way of discovery ..."] Riddles and finds in the writings of Leo Tolstoy]. Moscow: Flinta; Nauka.
9. Sytina (Chikhacheva), E.I. (1939) *Vospominaniya* [Memories]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vols 37–38. Moscow: USSR AS.
10. Gershenzon, M.O. (1922) *Predislovie* [Foreword]. In: Tolstoy, N.N. *Okhota na Kavkaze* [Hunting in the Caucasus]. [Moscow]: Izdanie M. i PP. Sabashnikovykh.
11. Tolstoy, N.N. (1926) *Plastun. Krasnaya nov'*. 5, 7. (In Russian).
12. Tolstoy, N.N. (1927) *Vesennie polya. Zayats* [Spring fields. A hare]. In: Smirnov, N. (ed.) *Okhotnich'e serdtse. Al'manakh* [Hunting heart. Almanac]. Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisateley.
13. Tolstoy, N.N. (1987) *Sochineniya* [Works]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Received: 09 June 2016